
УДК 130.2:2
ББК 86.210.33
Я 47

И. А. Яковенко,
*преподаватель Кубанского техникума экономики и недвижимости,
г. Краснодар, тел. 8 918-438-12-52*

Тенденции развития религиозного сознания в современной России (Рецензирована)

Аннотация. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы по данной теме автор исследует тенденции развития религиозности в современной России. В статье рассматриваются причины возрождения религиозности и клерикализма в наши дни в России. Автор приходит к выводу, что в социокультурном измерении религия как традиция является важнейшим механизмом воспроизводства и трансляции моральных норм, духовных ценностей, без которых невозможно представить себе любую культуру. Объект исследования — состояние современного религиозного сознания россиян.

Ключевые слова: возрождение религиозности, православие, ислам, ваххабизм, экстремизм, фундаментализм, клерикализм, системный кризис общества, новая религиозность, постмодернистское сознание.

I.A. Yakovenko,
*Teacher of the Kuban Technical School of Economy and Real Estate, Krasnodar,
ph. 8 918-438-12-52*

Tendencies in development of religious consciousness in modern Russia

Abstract. On the basis of the analysis of the domestic and foreign literature on the given theme the author investigates tendencies in development of religiousness in modern Russia. The reasons of revival of religiousness and clericalism in Russia nowadays are considered in this paper. The author comes to a conclusion that in sociocultural measurement religion as the tradition is the major mechanism of reproduction and translation of moral standards and cultural wealth without which it is impossible to imagine any culture. The object of research is a condition of modern religious consciousness of Russians.

Keywords: religiousness revival, Orthodoxy, Islam, a vahhabism, extremism, fundamentalism, clericalism, system crisis of the society, new religiousness, postmodernist consciousness.

Одним из существенных факторов общественного развития в наши дни стало упрочение позиций религии, включающее определенный рост социально-политического влияния религиозных институтов, ранее отодвинутых на периферию общественной жизни. Религиозный фактор особенно заметен в переходный период развития общества, в неизбежно возникающих конфликтных ситуациях. Усиление роли религии в современном российском обществе обусловило рост религиозности населения.

Сегодня большинство людей считают себя верующими. Значительная часть этих верующих участвует в религиозных обрядах, посещает храмы, отмечает церковные праздники, использует религиозные символы и предметы в быту.

Тенденции развития религиозности россиян на современном этапе проявляются в ряде процессов. Растет число людей, считающих себя последователями вероучений: сегодня верующими называют себя 60-65% россиян [1]. Снижается степень влияния атеизма как мировоз-

зрения. Повышается роль религиозных организаций в политических и культурных процессах. Наряду с увеличением количества убеждённых верующих в современном мировом обществе, в том числе и в России, сохраняется внешняя религиозность, увлечение мистикой, теософией, оккультизмом.

Исследования начала 90-х годов зафиксировали значительное увеличение доли населения, относящего себя к верующим в Бога, это побудило некоторых ученых выступить с поспешными заявлениями о религиозном ренессансе в России. Они полагают, что обращение к религии в условиях утвердившейся в начале 90-х годов религиозной свободы явилось не столько следствием духовных исканий, сколько влиянием своеобразной «моды на религию», поскольку модным и престижным стало считаться все то, что ранее официально не поощрялось, особенно атрибуты, ассоциировавшиеся с дореволюционным прошлым России. Например, М. Мчедлов, А. Шевченко, Ю. Гаврилов приходят к выводу, что православие в современной России — этнический, а не религиозный признак. Они пишут: «Отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, многие респонденты (около 20%), тем не менее, относят себя к приверженцам традиционных религиозных объединений. Они воспринимают православие или ислам не только как религиозную систему, а как естественную для них культурную сферу, национальный образ жизни («русский — поэтому православный», «татарин — поэтому мусульманин» [2].

Подобное мнение о степени влияния ислама на сознание людей высказывает С. Филатов: «Для традиционного мусульманского населения — татар, башкир, народов Кавказа — ислам играет такую же роль символа национальной идентичности, как православие для русских (исключение составляют чеченцы, ингуши и большинство народов Дагестана). Опросы показывают, что реальная исламская религиозность этих народов так же слаба, как православная религиозность русских» [3].

Мы согласны с Ж. Т. Тощенко, который полагает, что в обществе произошел

еще один раскол — религиозный. Он дополнил раскол по социальному, материальному, культурному критериям. Если в нашей стране понятие и представление о советском человеке играли объединяющую функцию, то в настоящее время нет подобной идентичности. Тощенко считает, что ни этническая, ни социально-экономическая, ни демографическая идентичность не могут стать ведущими в обществе, чтобы обеспечить существование единого, целеустремленного, сплоченного организма. Он пишет: «И вот теперь нам рекомендуют уже на официальном уровне узаконить еще один раскол — по конфессиональному признаку. А он не может принести ничего иного, как обострение ситуации, противопоставление людей друг другу по религиозному принципу, рост недоверия, ксенофобии.

На наш взгляд, в нормальном обществе должна господствовать одна — гражданская — идентичность, т.е. такая, которая бы объединяла, примиряла людей, помогала им согласовывать свои интересы и, в конечном счете, чувствовать себя единым сообществом. Религиозная идентичность этого сделать не сможет никогда. Она может только усилить разобщенность и привести к прямо противоположному результату» [4].

В феврале 2009 года одной из крупнейших российских исследовательских организаций («Аналитический Центр Юрия Левады») было проведено исследование под названием «Религия и религиозность в России». Результаты этого исследования, проведенного со всей научной строгостью, а также ряда других подобных исследований позволяют ответить на вопрос, какое значение имеет православие для умов и сердец современных россиян. В первую очередь, важно отметить, что почти три четверти россиян отождествляют свою веру с православной. Это около 103 млн человек. Была исследована религиозность этой немалой группы людей. Сколько из них безоговорочно верят в Бога и сколько ведут активную религиозную жизнь? Результаты исследования продемонстрировали, что более половины тех, кто считает себя православным, к сожалению, не осознают всей серьезности следующих слов, за-

писанных в Библии: «Без веры угодить Богу невозможно, потому что приближающийся к Богу должен верить, что он есть» (Евреям 11:6). Ситуация с проявлением религиозной активности у православных россиян еще менее утешительна: только 3% из тех, кто считает себя православными (т. е. всего около 3 млн человек), ведут активную религиозную жизнь. Ввиду этого специалисты Центра делают вывод: люди не прониклись религиозностью и в большинстве своем не знают даже основ вероучения.

Таким образом, одним из компонентов современного русского православно-го сознания является стереотип «русский — значит православный», т. е. этническая принадлежность получает значение признака религиозной принадлежности. Хотя до революции 1917 г. было наоборот: «православный — значит, русский».

Как отмечает Д. Белл, две группы причин способствуют сегодня активизации интереса к религии. Первая группа касается самого социального бытия. Экономическое, экологическое, политическое неблагополучие большинства стран мира вызывает неуверенность, страх перед будущим. Причем страхи принимают в эпоху глобальных проблем эсхатологические формы. Вторая группа причин касается духовного состояния общества. Утрата идентичности, а точнее — плюрализм в ее понимании, характерный для эпохи постмодерна, заставляет личность обращаться к религии как универсальному способу самоидентификации. В частности, это характерно для отечественного массового сознания. Представляется, что, несмотря на все экономические и политические коллизии постперестроечных лет, именно последняя группа причин активизации религиозного сознания для нашей страны оказалась наиболее существенной. Д. Белл подчеркивает, что сейчас «прежние социальные связи разрушаются, и люди перестают понимать, во что они верят, к какой общности принадлежат, кто их друзья, а кто — враги. Поэтому в религиозной жизни братство, община или приход в большинстве случаев оказываются важнее абстрактного символа веры» [5]. В настоящее время эти слова

можно отнести и к отечественной религиозности.

С. Хантингтон полагает, что конец XX в. стал свидетелем повсеместного возрождения религий, что проявилось в усилении религиозного сознания и подъеме фундаменталистских движений. По мнению Хантингтона, религиозное возрождение, во-первых, вызвано кризисом идентичности из-за социальных перемен в модернизирующихся обществах, во-вторых, является реакцией на атеизм, моральный релятивизм и потворство своим слабостям, утверждая ценности порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и людской солидарности [6].

В. Гинзбург возрождение религиозности и клерикализма в наши дни в России объясняет следующими причинами. «Во-первых, это реакция на ситуацию, имевшую место в советские времена. Во-вторых, это следствие низкой образованности населения. Наконец, третья и, вероятно, основная причина роста клерикализма в стране — это государственная политика в отношении религии и насаждение религиозной, и особенно православной, идеологии, что проявляется как в поддержке РПЦ, так и в появлении слова «Бог» даже в гимне нашей светской страны (!). Я глубоко убежден в том, что попытки поставить на место потерпевшей полный крах коммунистической (большевистской) идеологии православную идеологию являются реакционными и обречены на провал. Светлое будущее человечество может увидеть только на пути просвещенного светского (секулярного) гуманизма» [7].

Наряду с ростом приверженцев православия идет рост числа сторонников ислама. На протяжении более 1350 лет ислам является неотъемлемым компонентом истории Кавказа, одним из определяющих элементов духовной и материальной культуры многих кавказских народов. Ислам на Кавказе выполнял и выполняет многофункциональную роль и проявляется во всех сферах общественной жизни. В настоящее время наблюдается возрастающее влияние ислама, его политизация и использование национальной самоидентификации северокавказских народов для разжигания

националистических и сепаратистских настроений. Одной из причин, по которой часть мусульман становится на путь радикализма, является поверхностное представление о культуре ислама.

В начале 90-х годов в России начался процесс исламского возрождения, в результате чего российские мусульмане осознали свою причастность к исламской цивилизации и исламскому мировому сообществу. В качестве основных результатов исламского возрождения можно назвать: рост религиозного самосознания; возрождение исламской обрядности и рост числа мечетей; формирование системы религиозного образования; восстановление бывшими советскими мусульманами прерванных связей со своими зарубежными единоверцами; политизация ислама.

Анализ общественно-политической ситуации в нашей стране показывает, что для определенной части населения Российской Федерации ислам является основой национально-религиозной самоидентификации. Численность мусульманского населения в России, согласно переписи 2002 года, составила 14,5 млн. человек. К 2006 году количество мусульман превысило 15 млн. Духовные лидеры мусульман утверждают, что в России количество мусульман достигает 20 млн человек, что составляет 12% ее населения [8]. В Северо-Кавказском регионе общее количество мусульман достигает 6 млн человек. В 1999–2000 гг. в Адыгее проводилось социологическое исследование «Состояние и перспективы ислама в Адыгее». Первая тенденция, которую удалось выявить, заключается в следующем: в Адыгее тотальной исламизации не происходит. Только 35% опрошенных назвали себя приверженцами ислама, 10% респондентов выполняют предписания ислама. Р. А. Ханаху и О. М. Цветков пишут: «Таким образом, можно констатировать довольно часто встречающийся парадокс: люди считают себя приверженцами той или иной веры, но при этом находятся как бы «вне» этой веры: не соблюдают строго предписанных культовых норм поведения, плохо знают или совсем не знают вероучение и т. п. [9]. Исследование по-

зволило подтвердить сделанные ранее авторами выводы о том, «что у адыгов в большей степени актуализирована этническая идентичность (в основном на традиционно-культурной основе или ее «вторичных», превращенных формах), чем религиозная. На это также указывают ответы респондентов. Так, лишь 6% респондентов считает, что ислам важнее традиционной культуры» [10].

Результаты своего исследования Ханаху и Цветков формулируют в резюме: «Большинство обследованных усматривает в исламе в первую очередь возможность реализовать свои духовно-нравственные потребности. В Адыгее на сегодняшний день тотальной исламизации не происходит. Утверждение «Я верю в Бога» скорее следует понимать как форму отвержения атеизма, нежели как признание в осознанной глубокой вере. Большинство респондентов полагает, что через 10-20 лет адыги вряд ли станут «настоящими мусульманами» [11].

В настоящее время наблюдаются многочисленные нетрадиционные для России направления ислама. По разным оценкам, ваххабиты составляют от 2 до 10% всех российских мусульман. Их доля наиболее высока среди мусульман Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Ставропольского края, а также среди новообращенных мусульман (в последнем случае она достигает 50–60%). Ваххабизм представляет собой фундаменталистское религиозное движение в суннитском исламе. Он имеет сильный идеологический потенциал, способный мобилизовать отдельные социальные группы (безработную и студенческую молодежь,). Ваххабизм привлекает идеей социальной организации в виде небольших общин, воплощающих идеи братства, равенства, справедливости. Одно из центральных мест в идейной платформе ваххабизма занимает позиция непризнания любой власти, отходящей от предписания шариата. Характеризуя северокавказский ваххабизм, А. А. Ярлыкапов приходит к выводу: «Экстремизм северокавказских ваххабитов — огромная проблема. Ее трудно решить путем переговоров, поскольку сама идеология ваххабитов не предполагает

переговоров с «безбожниками». Государство, основанное на человеческих законах, по их мнению, должно быть разрушено. В мире должны господствовать только божественные законы, как они полагают» [12].

Одной из причин, по которой часть мусульман становится на путь радикализма, является поверхностное представление о культуре ислама. Исламское общество создало духовные ценности, которые могли бы быть восприняты человеческим обществом в целом для повышения его духовной культуры. В Коране говорится: «Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру, но не нападайте первые. Бог не любит нападающих». (11:186). В Коране особенно подчеркивается необходимость для мусульманина проявлять терпение и смирение: «Терпение, ведь Аллах с терпеливыми» (8:48). Таким же образом в шариате закрепляется обязанность мусульманина подчиняться халифу и государственной власти: «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» (4:62). Эти слова Корана свидетельствуют о том, что ислам не имеет ничего общего с религиозным экстремизмом.

Наиболее явно факторы, способствующие распространению фундаментализма, проявляются в условиях системного кризиса общества. Этому вопросу большое внимание уделил З. Бжезинский, который полагает, что общий рост недовольства населения падением жизненного уровня, ощущение им потери перспективы или уверенности в завтрашнем дне создают предпосылки для усиления социальной напряженности, а осознание различий в материальном благосостоянии отдельных групп общества возбуждает вполне понятные чувства зависти, возмущения и враждебности [13]. Бжезинский полагает, что социальную базу для приверженцев фундаментализма составляют, прежде всего, низшие слои общества. Среди них есть просто неудачники, не нашедшие места в жизни, уголовники, и все, кто утратил положение в обществе или никогда его не имел. Аналогичную точку зрения высказывает и М. М. Керимов. В качестве основных причин, детерминирующих радикалист-

ские и экстремистские тенденции на Северном Кавказе, он называет социальное неравенство, бедность, нищету, западную модернизацию, которая подвергла испытанию устоявшиеся общественные и культурные системы традиций [14].

Необходимо отметить, что мусульманская культура базируется на общечеловеческих ценностях, способах социокультурной организации общества и находится в тесном взаимодействии с другими цивилизационными типами. Экстремистские течения в исламе ничего общего не имеют с его ценностями, ориентированными на объединение людей. В современной России представляется актуальным рассматривать ислам как одну из духовных опор общества и государства. Речь должна идти не о вторжении религии в политику, государственные дела, а об использовании позитивного нравственно-интеллектуального и политико-правового потенциала ислама как культуры и цивилизации. Наряду с активизацией деятельности традиционных для России религий: православия, ислама, буддизма и иудаизма, начали появляться новые формы религиозной и духовной жизни. И. Я. Кантеров в качестве причин их возникновения и распространения называет падение популярности исторических религий, в которых роль рядовых верующих сводится к пассивному участию в богослужении и соблюдению обрядов. Также он пишет: «Немаловажно и то, что большинство действующих в России нетрадиционных религий предлагают проекты радикального переустройства мира «здесь и сейчас». Как правило, эти рецепты отличаются простотой и доступностью, что делает их весьма привлекательными для максималистски ориентированных россиян. К тому же в условиях растущей инфляции, преступности, безработицы, национальных конфликтов, а также распада связей между поколениями многие приходят к выводу, что светские, мирские идеалы не могут обеспечить реформации общества... беседы с последователями различных нетрадиционных религий показывают, что их привело сюда стремление обрести духовный покой в обстановке резких, неожиданных

перемен в своем материальном положении, в политической жизни страны в целом» [15].

Таким образом, новые религиозные группы и движения утвердились в России как постоянное явление и требуют изучения. А.А. Ожиганова и Ю.В. Филиппов следующим образом характеризуют новые религии: «...новые религии стремятся быть не только надэтническими, подражая в этом мировым религиям, но и надконфессиональными. Однако, несмотря на свой «универсализм», многие новые религиозные движения имеют либо явную этнокультурную, либо обычно не декларируемую, но часто также весьма очевидную конфессиональную окраску» [16].

Поскольку религиозное сознание всегда отражает социальное бытие, можно сказать, что новая религиозность — это новые реакции на жизнь. П. С. Гуревич полагает, что «новые религии» — общесоциологический феномен. Деструктивные процессы, протекающие в нашей стране, по его мнению, не могут быть объяснением причины экспансии «новых религий». Гуревич пишет: «По своему характеру религиозные искания, как бы мы их ни оценивали, представляют собой контркультурные феномены. ...всякая новая культура, культура конкретной эпохи рождается как осознание кризиса предшествующей социокультурной парадигмы. Если «новые религии» находят социальную опору во всех странах, значит, есть потребность в новых абсолютах. Противостояние господствующей культуре, рождение новых ценностных и практических установок можно рассматривать как процесс, постоянно воспроизводящий себя в мировой культуре» [17].

Как отмечают исследователи, новая религиозность стремительно распространяется и является характерной чертой постмодернистского сознания. А. Тоффлер считает, что возникновение постиндустриального общества принесет с собой совершенно новый образ жизни. В результате технологических преобразований будет создана действительно гуманистическая цивилизация в истории человечества. По Тоффлеру, причи-

на успеха новой религиозности очевидна — лидеры новых религий осознают потребность человека в общине. Он полагает, что создавая у своих членов ощущение осмысленности реальности, культы предлагают им цель и согласованность во внешне раздробленном мире [18].

О необходимости нового религиозного сознания пишет Д. Икеда: «Я убежден, что только новая религия будет способна повести цивилизацию на высоком уровне, объединяющем науку и философию... Это должна быть религия, которая сможет превзойти различия между Востоком и Западом и, объединяя все государства в единое целое, спасти Запад от трудностей. Открытие такого типа религии — важнейшая задача сегодняшнего общества» [19].

Выход из сложившейся ситуации Ю. Хабермас видит в обращении к религии, которая «сохранила нетронутым нечто такое, что утрачено в других областях: религиозные ценности, которые ориентируют человека на взаимопонимание и жертвенность по отношению к ближнему. Хабермас призывает не просто уважать религию и верующих, но учиться у них. Процесс обучения является двусторонним процессом, то есть и религия в свою очередь должна учиться у секулярного общества. Секуляризация должна пониматься, согласно Ю. Хабермасу, как двойкий и взаимодополняющий процесс обучения. Модернизация охватывает религиозное и светское сознание, видоизменяя их. Данный процесс обучения составляет содержание постсекулярной эпохи. Основная роль религии в постсекулярном обществе — вносить функциональный вклад в дело воспроизводства желаемых мотивов и установок [20]. Следовательно, религиозные ценности должны скреплять общественные узы, социальную солидарность. Он полагает, что в интересах конституционного государства бережно обходиться со всеми культурными источниками, на которых основывается осознание гражданами норм и сама солидарность между ними». Ю. Хабермас предлагает новый тип коммуникации — «двусторонний процесс обучения», в результате которого секулярное общество обогатится религиозными

ценностями. Это общество уже нельзя назвать секулярным, а скорее постсекулярным.

Таким образом, главной характеристикой постсекулярного общества является «двусторонний процесс обучения» веры и разума, что не означает возврата к религии как доминирующей ценностной системе или приоритетного типа мировоззрения.

Сложным вопросом является для России проблема преподавания в средней школе «Основ православной культуры». Открыв специальную рубрику «Религия и современный мир», редакция журнала «Философские науки» фактически обозначила объявленную тему в качестве исключительно актуальной для системы отечественного образования и значимой для всего общества. Материалы, которые представлены участниками обсуждения «убедительно подтверждают, что хотя внешне цели и содержание курса выглядят приемлемо, на самом же деле ни задачи нравственного воспитания, ни задачи духовного развития, ни задачи формирования толерантности и уважения к другим конфессиям и культурным традициям на основе предлагаемого курса быть решенными не могут. Более того, они вскрывают недекларируемые цели Русской Православной Церкви, заинтересованной в духовной гегемонии и государственном покровительстве»[21].

Десять академиков РАН считают: «Верить или не верить в Бога — дело совести и убеждений отдельного человека. Мы уважаем чувства верующих и не ставим своей целью борьбу с религией. Но мы не можем оставаться равнодушными, когда предпринимаются попытки подвергнуть сомнению научное Знание, вытравить из образования «материалистическое видение мира», подменить знания, накопленные наукой, верой. Не следует забывать, что провозглашенный государством курс на инновационное развитие может быть осуществлен лишь в том случае, если школы и вузы вооружат молодых людей знаниями, добытыми современной наукой. Никакой альтернативы этим знаниям не существует»[22].

В заключение можно сказать, что в социокультурном измерении религия как традиция является важнейшим механизмом воспроизводства и трансляции моральных норм, духовных ценностей, без которых невозможно представить себе любую культуру. Но в то же время для сплочения подрастающего поколения необходимо обучение объединяющей всех единой светской духовно-нравственной этике.

В современной России актуально осуществление взаимопонимания между различными конфессиями, разработка путей и механизмов установления уважительных, терпимых, толерантных отношений между религиями.

Примечания:

1. Религия в современном обществе. Круглый стол. URL: http://www.pravmir.ru/printer_1446.html
2. Мчедлов М., Шевченко А. Гаврилов Ю. Вера в Бога — мода или потребность? // Религиозность в современной России. М., 2002. С. 12.
3. Филатов С. Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // Религия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2007. С. 41.
4. Тощенко Ж.Т. Мина замедленного действия // Философские науки. 2010. №8. С. 15-16.
5. Белл Д. Космополитическое мировоззрение. М.: Свободная мысль, 2008. С. 12-13.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. №1. С. 35.
7. Гинзбург В. Наука и религия в современном мире // Известия. 2002. 1 февр.
8. Мусульмане России. URL: <http://www.muslim.ru/1/cont/4/439>.
9. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Состояние и перспективы ислама в Адыгее // Ислам у адыгов северо-западного Кавказа. Майкоп, 2001. С. 6.
10. Ханаху Р. А., Цветков О. М. Указ. соч. С. 7.
11. Там же. С. 9-10.
12. Ярлыкапов А.А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь центрального и Северо-Западного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2006. №2. С. 73.
13. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 14.
14. См.: Керимов М.М. Традиционная мусульманская культура России в условиях современной модернизации. Грозный, 2009.

-
15. Тощенко Ж.Т. Мина замедленного действия // *Философские науки*. 2010. №8. С. 15-16.
 16. Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М., 2006. С. 6.
 17. «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России: материалы Круглого стола // *Вопросы философии*. 1996. №12. С. 17.
 18. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
 19. Цит. по: Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М., 2006. С. 71.
 20. Хабермас Ю. Дополнительные основы демократического правового государства? // Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библийско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2006. С. 70.
 21. Мариносян Х.Э. Религия в школе. Проект или завершение дискуссии? // *Философские науки*. 2011. №2. С. 5.
 22. Политика РПЦ МП: консолидация или развал страны? Открытое письмо академиков РАН президенту РФ В.В. Путину. 23 июля. 2007. URL: <http://evolutionism.ucoz.ru/publ/8-1-0-40>.

References:

1. Religion in a modern society. A round table. URL: http://www.pravmir.ru/printer_1446.html
2. Mchedlov M., Shevchenko A., Gavrilov Yu. Belief in God — is it fashion or necessity? // *Religiousness in modern Russia*. М., 2002. P. 12.
3. Filatov S. Traditional religions, «Russian civilization» and sovereign democracy // *Religion and conflict*. М.: ROSSPEN, 2007. P. 41.
4. Toshchenko Zh.T. Time bomb // *Philosophical Sciences*. 2010. №8. P. 15-16.
5. Bell D. The cosmopolitan vision. М.: Svobodnaya mysl, 2008. P. 12-13.
6. Huntington S. The clash of civilizations // *Polis*. 1994. №1. P. 35.
7. Ginzburg V. Science and religion in the modern world // *Izvestiya*. 2002. February, 1.
8. The Muslims of Russia. URL: <http://www.muslim.ru/1/cont/4/439>.
9. Khanakhu R.A., Tsvetkov O.M. The state and prospects of Islam in Adygheya // *Islam of the Adyghees of the Northwest Caucasus*. Maikop, 2001. P. 6.
10. Khanakhu R.A., Tsvetkov O.M. Mentioned work. P. 7.
11. Ibidem. P. 9-10.
12. Yarlykapov A.A. «The Public Islam» and Muslim youth of the Central and Northwest Caucasus // *The Ethnographic Review*. 2006. №2. P. 73.
13. Brzezinski Z. The choice. Global domination or global leadership. М.: International Relations, 2006. P. 14.
14. See: Kerimov M.M. Traditional Muslim culture of Russia under modern modernization. Grozny, 2009.
15. Toshchenko Zh.T. Time bomb // *Philosophical Sciences*. 2010. №8. P. 15-16.
16. Ozhiganova A.A., Phillipov Yu.V. New religiousness in modern Russia: doctrines, forms and practical experiences. М., 2006. P. 6.
17. «Nonconventional religions» in postcommunist Russia: materials of the Round Table // *Philosophy Questions*. 1996. №12. P. 17.
18. Toffler E. The third wave. М.:AST, 1999.
19. Quoted on: Ozhiganova A.A., Phillipov Yu.V. New religiousness in modern Russia: doctrines, forms and practical experiences. М., 2006. P. 71.
20. Habermas J. Pre-political foundations of the democratic constitutional state // Habermas J., Ratzinger J. (Benedict XVI). The dialectics of secularization. On reason and religion. М.: St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2006. P. 70.
21. Marinosyan Kh.E. Religion at school. A project or the end of the discussion? // *Philosophical Sciences*. 2011. №2. P. 5.
22. The policy of the RPTS of MP: consolidation or breakup of the state? The open letter of the academicians of the RAS to the President of the RF V.V. Putin. July, 23rd. 2007. URL: <http://evolutionism.ucoz.ru/publ/8-1-0-40>.